

Воскресенье, 6-го іюня 1904 года.

Къ десятилѣтію со дня смерти Н. М. Ядринцева.

Завтра исполнится десять лѣтъ со дня смерти Николая Михайловича Ядринцева, послѣдовавшей въ Барнаулѣ и поразившей своей неожиданностью и друзей и читателей его, полагавшихъ, что оное еще не скоро скажетъ свое послѣднее слово и еще долго будетъ продолжать свою просвѣдительную литературно-публицистическую дѣятельность.

Прошло десятилѣтіе послѣ смерти сибиряка-писателя и общественного дѣятеля, въ теченіе долгаго періода времени стоявшего во главѣ лучшей части сибирской интеллигенціи, вожака ея и выразителя наиболѣе прогрессивныхъ стремленій ея въ отношеніи обязанностей къ обширной русской области. Голось Ядринцева замолкло, но собранные имъ матеріалы и его идеи, высказанныя имъ въ капитальныхъ литературныхъ трудахъ, въ массѣ журнальныхъ и газетныхъ статей, остаются общимъ достояніемъ, представляющимъ богатый источникъ, изъ котораго сибирская интеллигенція можетъ почерпнуть много фактовъ и аргументовъ для проведенія и защиты своихъ desiderata.

Въ настоящее время уже пора выяснить роль Ядринцева въ исторіи сибирской общественности, уже возможно подвести итоги его долготѣвней дѣятельности. Но такъ какъ дѣятельность эта обширна и разнообразна, такъ какъ личность Ядринцева въ исторіи сибирской общественности имѣетъ громадное значеніе, то и обстоятельная подробная оцѣнка покойнаго сибирскаго писателя и общественного дѣятеля требуетъ обширной обстоятельной статьи, даже обширнаго тома. Наша задача болѣе скромная. Мы въ газетной статьѣ постараемся лишь въ общихъ чертахъ охарактеризовать Ядринцева и указать его значеніе.

Есть натуры, которымъ чужды и совершенно неинтересны обычные жизненные мелочи, будничные интересы, практическія соображенія. Такіе люди живутъ исключительно идейной личной и общественной жизнью. Съ житейскими мелочами имъ, конечно, приходится считаться, реагировать на нихъ, но эти мелочи являются для такихъ натуры элементами посторонними, приходящими. Къ разряду такихъ людей принадлежалъ и покойный Ядринцевъ. Онъ постоянно занятъ былъ умственными, идеальными интересами. Его живой, впечатлительный умъ никогда не оставался празднымъ; громадная наблюдательность доставляла ему обильный неисчерпаемый матеріалъ, а громадная память и способность ассоцірованія разнообразныхъ, повидному, фактовъ порождала непрерывную умственную работу. Въслѣдствіе этихъ свойствъ своего ума Ядринцевъ не могъ, органически неспособенъ былъ сдѣлаться ученымъ, отмежевавшимъ себя извѣстную сферу, въ которой можно было бы замкнуться и работать. Его природа не могла допустить такой замкнутости, такъ какъ окружающая жизнь настолько сильно реагировала, что исключалась осуществимость даже сознательнаго ограниченія дѣятельности въ какой нибудь опредѣленной сферѣ умственнаго труда.

Потому то Ядринцевъ является въ своихъ работахъ археологомъ, историкомъ, этнографомъ, беллетристомъ, поэтомъ, социологомъ и т. п.

Такія натуры, разъ онѣ обладаютъ литературными дарованіями, естественно дѣлаются публицистами. Публицистика—это ихъ любимая литературная область, въ которой они могутъ найти наиболѣе полное удовлетвореніе; въ публицистику они могутъ вложить свой темпераментъ, свою душу, въ публицистикѣ онѣ скорѣе, чѣмъ въ другой литературной сферѣ, могутъ выска-

зать свои заветныя мысли и высказать ихъ при томъ среди наиболѣе обширной аудиторіи.

Преимущество публицистики предъ другими литературными областями заключается еще въ томъ, что авторъ свои мысли можетъ высказывать неоднократно, можетъ повторяться безъ ущерба для дѣла, которому служить, и дѣла, которой стремится достигнуть.

Потому то мы видимъ Ядринцева въ роли публициста уже съ самыхъ юныхъ его лѣтъ. Еще въ Томскѣ, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ истерскаго столѣтія, Ядринцевъ уже пишетъ публицистическія переводы, помѣщая ихъ въ сѣрхъ и по вышнему виду довольно

полной бібліотеки и удовольствуясь выписками замѣтками и помощью своей громадной памяти. „Сибирь какъ колонія“, собственно говоря, должна быть необходимой книгой въ бібліотекѣ каждаго интеллигентнаго сибиряка, а сибирская молодежь обязательно должна основательно познакомиться съ этой книгой, въ 26 главахъ которой заключается обширный и разнообразный матеріалъ историческаго, этнографическаго, социологическаго содержанія. Конечно нѣкоторые данныя въ ней требуютъ пополненія, что вполне естественно почти для всякой книги подобнаго содержанія, а тѣмъ болѣе для книги публицистическаго тона. Это не мѣшаетъ быть ей достойной вниманія каждаго интеллигентнаго, а тѣмъ болѣе молодого сибиряка, для котораго знакомство со своей родиной является прямой обязанностью. Въ „Сибирь какъ колонія“ обстоятельно разсмотрѣны наиболѣе важныя и основные вопросы сибирской жизни.

Въ концѣ предисловія авторъ говоритъ: „Предоставляя нашимъ преемникамъ болѣе счастливый и удачный трудъ, мы старались по мѣрѣ силъ выполнить нашу задачу, удовлетворяя текущимъ потребностямъ и запросу жизни. Наша главная цѣль была содѣйствовать изученію края, забытаго и мало извѣстнаго, возбудить интересъ къ нему и направить силы молодого поколѣнія Сибири на пользу и благо своей родины“.

Никто изъ сибирскимъ писателей не сдѣлалъ столько, какъ Ядринцевъ для ознакомленія русскаго общества съ сибирской окраиной. Масаа статей его помѣщена въ лучшихъ журналахъ и газетахъ того времени, а также въ научныхъ изданіяхъ. Онъ не упускаетъ случаевъ дѣлать доклады въ разныхъ ученыхъ обществахъ по научнымъ и общественнымъ вопросамъ Сибири.

Открытие сибирскаго университета тѣсно связано съ именемъ Ядринцева. Мысль о немъ онъ пропагандировалъ и дѣлалъ съ юныхъ лѣтъ, и его горячія статьи и бесѣды съ вліятельными лицами имѣли громадное значеніе въ разрѣшеніи университетскаго сибирскаго вопроса.

Не только своими статьями и бесѣдами онъ имплицитно дѣлалъ другихъ въ дѣлѣ изученія Сибири, но и самъ лично, если позволяли матеріальныя условія, онъ совершалъ поѣздки по Сибири и умѣлъ въ сравнительно короткое время собрать обширный матеріалъ. Такъ, онъ былъ на Алтаѣ, на Барабѣ, въ Монголіи, гдѣ сдѣлалъ открытія большой исторической важности, вызвавшія поѣздки спеціалистовъ Радлова и гельсингфорскаго ученой комиссіи. Докладъ, прочитанный имъ по поводу этой поѣздки, въ Парижѣ вызвалъ восторженные оваціи.

Находясь вдали отъ родины, онъ никогда не переставалъ думать о ней. Бывалъ ли онъ въ Китаѣ, или въ Западной Европѣ или наконецъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, которые онъ посѣтилъ въ 1893 году, Ядринцевъ всегда переносилъ мысль въ родную Сибирь и въ его статьяхъ и фельетонахъ, написанныхъ вдали, ярко просвѣчиваетъ глубокая любовь къ родинѣ, проникновеніе ея печальми и маленькими радостями.

Ядринцевъ никогда не оставлялъ да и не могъ оставить публицистической дѣятельности, но особенно расширилъ ее съ 1882 года, когда ему удалось въ Петербургѣ основать газету „Восточное Обозрѣніе“, выходящую безъ предварительной цензуры. Въ это время, получивъ возможность вѣстать во главѣ литературнаго органа, Ядринцевъ оказался въ своей любимой сферѣ, и то значеніе, которое онъ занялъ тогда, вполне понята, такъ какъ его газета дѣлательно занялась разсмотрѣніемъ накопившихся и постановкой новыхъ вопросовъ далекой сибирской окраины. Жгучія, страстныя статьи, корреспонден-

Н. М. Ядринцевъ.

жалкихъ страницъ Томскихъ Губ. Вѣдомостей—единственнаго въ то время литературнаго органа для цѣлаго обширнаго края. Уже и тогда у Ядринцева была своя аудиторія, правда, весьма ограниченная численно, но за то заключающая въ себѣ наиболѣе интеллигентныхъ членовъ мѣстнаго общества.

Какъ публицистъ и писатель Ядринцевъ является замѣчательнымъ многостороннимъ. Нѣтъ, вѣроятно, ни одного болѣе или менѣе крупнаго вопроса, котораго не коснулся бы онъ въ своихъ работахъ. Достаточно взять его самое капитальное сочиненіе „Сибирь какъ колонія“, появившееся въ 1882 году, переведенное при указаніяхъ и дополненіяхъ Ядринцева на нѣмецкій языкъ покойнымъ проф. Петри въ 1886 году и повторенное въ 1892 году въ русскомъ изданіи Ядринцевымъ, сдѣланнымъ не только обширнымъ дополненіемъ, но и переработаннымъ нѣкоторыя главы этого труда въ 720 страницъ in 8°.

Это книга была въ свое время такъ сказать энциклопедіей сибиревѣденія и до сихъ поръ сохраняетъ интересъ и репутацию наиболѣе полнаго таланта и написаннаго сочиненія о Сибири.—Книга эта составлена изъ ряда журнальныхъ статей покойнаго писателя. Приходится удивляться его трудоспособности и талантливости, если принять во вниманіе тѣ условія, при которыхъ необладавшему матеріальными средствами автору приходилось работать, сплошь и рядомъ не имѣя подъ руками болѣе или менѣе

денщи и фельетоны будили не только дремавшую мысль сибирского обывателя, нарушали вожделенный покой сибирского захолустья, но и не оставались без влияния на петербургскую сферу. Многие выдающиеся представители административного мира, отправляясь из Петербурга в Сибирь, считали необходимым побывать у Ядринцева и воспользоваться его знаниями родной его области и его указаниями. Как знаток края, Ядринцев всегда приглашался в качестве сведущаго человека в петербургскую комиссию и таким образом и в этой сфере был полезен своему родному краю.

Интересы этого края были ему постоянно близки и дороги. Он относился к ним не с разсудочной объективностью, но со страстью юноши или фанатика.

Вот что говорил Ядринцев 26 октября 1881 г. в Петербурге на обеде, по случаю 300-летия покорения Сибири: „Кто из нас, связанных с краем всеми симпатиями души своей, не сознает жизненных потребностей этого досел печального и забытаго края? Кто в состоянии больше нас прочувствовать важность настоящей исторической минуты? Мы призываем пробуждение Сибири всеми силами нашей души! Судьба Сибири при всех переменах истории была близка и дорога живущим в ней, как связанным с ней узлами родства. Если обстоятельства не всегда позволяли нам принести в пользу ея нашу слабую помощь, то мы глубоко вѣровали в ея лучшие дни и будущее счастье“.

У Ядринцева это были не слова—это программа его жизни и отъ этой программы онъ никогда не отступалъ. Весь смысл и цѣль жизни онъ видѣлъ въ работѣ на пользу родины и если работа эта затруднялась или прекращалась вследствие какихъ либо внѣшнихъ условий—Ядринцевъ терялъ душевную бодрость, разстраивался, начиналъ хандрить, пока не пройдет острота удара, пока его дѣятельная энергичная натура не справится съ явившимся затруднениями, не ориентируется въ новыхъ условияхъ. Ориентироваться же и справляться Ядринцевъ умѣлъ быстро и опять начиналась кипучая жизнь.

Ядринцевскіе четверги въ Петербургѣ въ 80-хъ годахъ собирали и объединяли сибирскую жившую тамъ молодежь. Ядринцевъ смотрѣлъ на нее, какъ на контингентъ будущихъ работниковъ родины и своимъ увѣжденнымъ словомъ старался выдѣрять въ молодомъ сибирскомъ поколѣніи любовь къ Сибири и сознание общественныхъ передъ ней обязанностей. Ядринцевъ былъ патриотомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Скорѣе всего его можно назвать патриотомъ-гуманистомъ. Ни одной мысли, противорѣчившей широкому гуманизму, не было никогда высказано Ядринцевымъ. Ему глубоко были несимпатичны воззрѣнія, высказываемыя некоторыми учеными на судьбу такъ называемыхъ низшихъ расъ въ исторіи человѣчества, которая будто бы обрѣкаетъ эти расы на подчинение высшимъ и на вымирание или ассимиляцию. Онъ глубоко былъ увѣжденъ, что такое отношеніе несправедливо, что каждый народъ способенъ къ совершенствованію, воспринимать къ культурѣ, имѣть право на самостоятельное существованіе и можетъ внести и свою послѣднюю лепту въ сокровищницу человѣческаго прогресса. Сибирскимъ инородцамъ онъ посвятилъ отдѣльную книгу подъ названіемъ „Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе“ Спб. 1891 г. (308 стр. in 8°). Широкий гуманизмъ автора ясно проявился въ этой книгѣ, съ которою также необходимо ознакомиться каждому интеллигентному сибиряку.

Третій капитальный трудъ покойнаго писателя это его книга, изданная въ 1872 г. подъ названіемъ: „Русская община въ тюрьмѣ и ссылки“.

Книга эта обратила на себя вниманіе русскаго общества и дала матеріалъ для комиссій, ра-

ботавшей по вопросу о преобразованіи тюремъ и ссылки. И здѣсь, на ряду съ горячимъ протестомъ противъ заполнения Сибири негодными для Россіи элементами, гуманизмъ автора не позволялъ ему сурово отнестись къ преступнику.

Въ немъ онъ видѣлъ также человека съ его человѣческими слабостями и достоинствами. Многое можно было бы сказать о Ядринцевѣ, но рамки газетной статьи не позволяютъ этого сдѣлать. Мы полагаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что покойный Ядринцевъ былъ лучшимъ сыномъ своей родины и однимъ изъ луч-

шихъ единицъ увеличится въ будущемъ и дѣятельность покойнаго писателя оплыветъ по заслугамъ будущимъ, болѣе культурнымъ сибирскимъ обществомъ.

Ал. Михайловичъ.

Темная, темная ночь!
Снѣтъ бы скорѣй увидѣть,
Скорѣ бы души превозмогъ,
Сердца тревогу унять!..

Долго я, долго бреду...
Тѣма—не видать ничего...
Голосомъ громко зову...
Но не слышатъ никого.

Гдѣ я! Пустыня-ль кругомъ,
Кладбище ль, городъ, село?
Спать-ли глубокимъ всѣмъ сномъ
Или всѣ мертвы давно?

Страшная мысль бѣгутъ
И заполняютъ мой мозгъ,
Словно на черепъ мнѣ льютъ
Жгучій, растопленный воскъ!

Горе мнѣ, горе теперь...
Какъ мнѣ отъ нихъ убѣжать?
Мысли какъ бѣшенныя звѣрь,
Могутъ меня растерзать.

Ужасъ на сердцѣ встаетъ
И леденитъ мою кровь.
Къ свѣту-ль дорога ведетъ?
Къ жизни вернусь-ли я вновь?

Мрачно и глухо вокругъ.
Я напрягаю свой взглядъ:
Кто это? врагъ или другъ?
Очи, какъ звѣзды, горятъ.

Не подходи!.. я боюсь...
Страшно мнѣ, страшно
оно!
Сердце трепещетъ... Сдаюсь!
Ты-ль это смерть надо мною?

В. Антова.

Барымтачи*).

День догоралъ, окрашивая полбеснуую, выжженную степь въ розовые цвѣта зари. Эта кипучая степь то разстилалась широко и лѣтвно слегка воздунувшимися гривами, горѣвшими румянцемъ подъ прощальнымъ поцѣлуемъ солнца, то убѣгала вдаль крутыми скачками—вспаханная, обнаженные гребни которыхъ словно побаторили отъ досады на покидающее ихъ солнце.

Далеко, далеко на границѣ неба и крутыхъ склоновъ уходили въ высь хмурыя горы, своими синими вершинами раздичнувшія безбрежное небо.

Со стороны Иртыша показались двѣ черныя точки. Точки подвигались и росли, и наконецъ обратились въ двухъ всадниковъ-киргизъ на рослыхъ сѣрыхъ жеребахъ.

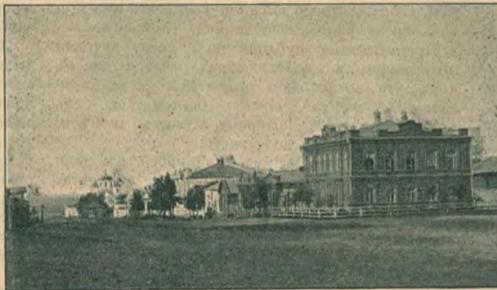
Киргизы одѣты были почти одинаково. Грязные красные платки плотно обтягивали ихъ бритыя головы. Сѣрые стеганные бешметы были зачехланы въ кожаные чехлы, заправленные въ большіе сапоги. Слѣва, свѣсився съ руки, волочились длинные союды.

Передній, лѣтъ 35 киргизъ, худощавый и нервный, зорко осматривалъ степь глубоко сидящими, черными глазами, какъ ястребъ, готовый кинуться или отлетѣть. На поясѣ у него висѣла айбалта и связка чембуровъ**).

Задній былъ еще юноша, безлечно спорившій коня и нетерпѣливо поспрашивавшій впередъ задорными молодыми глазами.

* Барымтачи, конюхъ.

** Шальи барымтачи въ большинствѣ случаевъ, не наиваютъ, чтобы при погонѣ не потерять и не дать ея уникъ. Лошадь и костюмъ у барымтачей сѣрые, плохо выданы ночью. Костюмъ одѣвается такъ, чтобы не видѣли вѣдуку при быстрой скачкѣ и въ случаѣ схватки. „Союды“, длинные, аршина въ 4 березовый шестъ. Толстый, изуродованный конецъ его, бѣтисъ, служитъ для нанесенія ударовъ. Съ тонкою коню прикрѣпается легко облегающія петлей волосяной аркалы. Получается „оюрга“ (укрощивая), оружье для поимки лошадей. „Айбалта“— боевой топоръ, съ узкимъ и длиннымъ лезвиемъ, на длинной рукояткѣ. „Чалбыръ“ (чембуръ), длинный, узкій ремень, прикрѣпавшійся къ коню у уздечки какъ поводъ или замыкающійся на морѣ лошади недоуздкомъ. Конецъ его или берется въ руки или привинчивается къ другому недоуздку. Такимъ образомъ получается связка лошадей.

Покровская улица въ г. Кольвани.

Городское училище и Покровская церковь въ г. Кольвани.

Соборъ въ г. Кольвани.

шихъ представителей челоѣчества. Вотъ почему сибирское общество не должно забывать его заслугъ и должно сохранять память о немъ.

Культурный уровень общества измѣряется также и тѣмъ или другимъ отношеніемъ къ лучшимъ, хотя уже и сошедшимъ съ жизненной сцены его членамъ. На Западѣ ревниво охраняется память о такихъ людяхъ, старательно собирается, хранится и комментируется все высказанное и написанное ими. Иное дѣло—некультурная среда, она живетъ лишь практическими будничными интересами и забываетъ сполна покойныхъ борцовъ за интересы, за благо его, этого общества. Если относительно Ядринцева можно сказать, что онъ забывается, то значитъ сибирское общество въ культурномъ отношеніи стоитъ еще низко.

Но если массы забыли Ядринцева и помнить о немъ и признавать его заслуги только единицы, то мы вѣстаки вѣримъ, что ряды этихъ

— Скоро ли, Арджанг, мы дождем? спросил молодой, выровнявшийся с передним.
Тот окинул его насмешливым взглядом, покачал головой и вполголоса проговорил:
— Ой, Адильпай, говори старики недаром: „пока у черного выдет кровь, у желтого душа вонь“ (каранын каны чиккалча, сараны джаны тчигары).
Адильпай покорно замолчал и, сдержав коня, опять поехал позади.

Дорога круто пошла под уклон, пологу и скрылась за поворотом. Но Арджанг направился не по дороге, а в вершину дога. Пройдав версты полторы, Арджанг остановился за большой вымоиной, соскочил с коня и отдал поводь товарищу.

— Доѣхали. Сиди и жди, кинуть онъ на ходу Адильпаю.

— Счастливаго пути, напутствовалъ его послѣдній.

Арджанг пошелъ вверхъ по рывингѣ, крадучись, какъ кошка и легко изобразил на гребень увала. Вытянувшись во весь ростъ и прижавъ къ землѣ, онъ пытался измѣрять мѣстность, изучая окрестности.

Въ лошадѣ подъ нимъ лежала стальная лента Чара.

Берега Чара на всемъ видимомъ пространствѣ устланы были аулами, а на нихъ кипѣла жизнь, оживляя степенной пейзажъ своими звуками. Влепне овецъ, мычаніе рогатаго скота и ржаніе лошадей наполнили воздухъ нетерпѣливымъ гамомъ. Молодые киргизы и мальчишки съ громкими криками стогнали къ „кезенямъ“ (веревки натянутые на низенькіе колья, съ петлями, для привязи дойнаго скота) хитрыхъ кобылицъ, гоняясь за ними на несѣдланыхъ лошадяхъ.

Киргизки, выдѣляясь бѣлыми „джовлуками“*), сѣшили подоить матокъ козъ и овецъ. Пожилые киргизы, сидя группами, мирно бесѣдовали, ожидая сытный ужинъ, готовящийся у юртъ въ большихъ казанахъ.

Дымъ отъ кизяка стлался по долигѣ, наполняя воздухъ фдкимъ запахомъ и смѣшивался съ улегающею пылью, поднятою стадами жвачныхъ, пригнавшихся на ночлегъ и табунами лошадей—на водоной.

На высокомъ берегу утесъ, вдали отъ шума и суеты, сидѣлъ мечтатель-поэтъ и пѣлъ. Мотивъ пѣсни, можетъ быть импровизация, звеня въ началѣ долгими, высокими нотами, уходилъ вдаль, сливаясь съ безпредѣльною ширью степи и замиралъ, какъ шепотъ, какъ вздохъ ея въ ночи. И вновь принимался, уносясь вдаль широкой волной, и вновь падалъ, и снова замиралъ. Сынъ степи, пѣвецъ, порождалъ и мелодию, похожую на степь, чарующую своей печальной монотонностью.

Арджанг изслѣдовалъ направление пыли, поднятой конскими табунами, взгляды въ табуны, отмѣчал рѣзкихъ скакуновъ, подсчиталъ у конюшней засѣдланыхъ въ ночное лошадей и такъ же неслышно, какъ и поднялся, змѣей поползъ внизъ, къ Адильпаю.

Спустившись, онъ пересѣдлалъ коня. Тоже сѣдалъ и его молодой товарищъ. Отвязавъ изъ торковъ по кашкуи, они достали изъ нихъ сирчиковъ**) и подставляя платокъ, услыхъ за вечернюю трапезу.

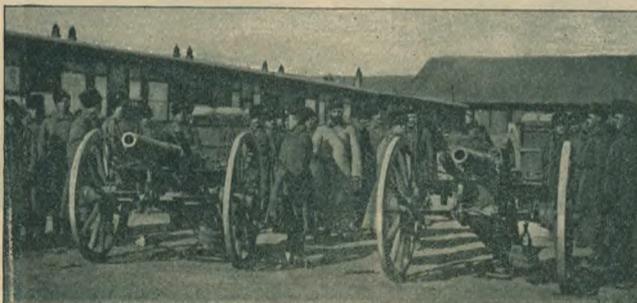
Арджанг славился на много верстъ, какъ удалой джигитъ-барымтачъ. Много лошадей онъ отогналъ и по одиночѣ и косяками, барымтачъ самъ-другъ или въ сообществѣ такихъ же удалцовъ. За все время ни одинъ ударъ сокола или айбалты, ни одинъ стежокъ плетью не ложился на него. Онъ былъ неуловимъ. Ходить

Арджанг не разъ и въ большіе набѣги на далекихъ, дикихъ каменныхъ киргизъ, обитающихъ въ горахъ Тянь-шаня. Теперь онъ вѣдь впервые на барымту родовича одноаулына Адильпая, сына богача Бейсембая.

Не отпустилъ бы Бейсембай въ опасную охоту сына, да не рѣшился обойти обычай, оставить сына не джигитомъ. Хотя разъ долженъ побывать порядочный казакъ*) на барымтѣ, увестъ

Лечебница по способу Пастера д-ра Вендера въ Кольвани.

Русская артиллерія на ст. Маньчжурской жел. дор.

Забайкальскіе казаки.

хотя одну лошадь. Иначе не будетъ ему уваженія отъ родовичей.

Напутствуя Арджана, Бейсембай завѣщаль охранять и помогать советомъ и дѣломъ непопатному юношѣ.

— Эй, Арджанг, говоритъ Бейсембай, проведи чистыми тропами сына по степи. Не выдай его въ руки погоня. Молодъ Адильпай, неопытенъ. „Хоть конь и на крыльяхъ ногатъ, да разумъ сѣдока не на крыльяхъ мудрости“. (аттыгъ аякъ панпашъ джуреды, амыл кенгъ ой тукъ ушпады). Ты одинъ ему въ степи товарищъ. Мудрое слово старыхъ говоритъ: „въ чужой степи отъ пѣснаго пыли не подймаея, отъ одинокаго звукъ не услышится“ (джалудгъ чангы чикпастъ, джангыздынгъ узъ чикпастъ).

Дать ему слово Арджанг кончить благополучно барымту и возвратиться съ невредимымъ Адильпаемъ.

— „Если карагачъ погнется—слоमितся, джигитъ вторично скажетъ—умреть“ (карагачтынъ илгены-сынганы, джигиттынъ эку суйгену-улгены), послонившей же отвѣтилъ барымтачъ.

Бейсембай повѣрилъ завѣренію Арджана и отпустилъ сына.

Поужинавъ, Арджанг сообщилъ, что пастихи молодежь, у конюшней мало осѣдланыхъ лошадей, вѣрный знакъ, что люди не берегутъ барымты, а въ табунахъ есть хорошіе кони. Показавъ рукой и стоянки табуновъ.

Выславъ Адильпая наблюдать, онъ улегся, подложивъ подъ голову кашкуи.

Наступила ночь съ ея пѣною тишиной. Въ темномъ океанѣ небесъ ярко разгорѣлись звѣзды, борясь съ сумракомъ ночи. Но ночь сгустила сумракъ и потопила степь. Все слилось въ неопредѣленные, таинственные тѣни.

Часа черезъ два зашуршала земля. То Адильпай сползавъ съ наблюдательскаго поста. Арджангъ моментально поднялся. Услыхавъ, что все спокойно, онъ пошелъ на верхъ. Адильпай занялъ его мѣсто.

Небо начало затягиваться тучами, затуманивъ свои кроткія очн-звѣзды. Потонулъ легкій вѣтерокъ. Степь еще болѣе погрузилась въ сумракъ и атихца. Часть барымты наступилъ.

Шопотомъ разбудилъ Арджангъ Адильпая.

Подтянули подпруги, подвязали кошомные накопытники. Собравъ кашкии и солды, тихо тронулись по лугу.

Версты черезъ три, на равнинѣ зачерѣли конские косяки. Табунышниковъ не было видно. Они спали.

Осторожно въ глубокомъ молчаніи, барымтачи объѣхали табуны, высматривая добычу. Лошади въ табунахъ пасторожились. Жеребцы запохрапывали.

Облюбовавъ косякъ, Арджангъ началъ его забѣгать, оттирая въ степь. Успокоившіеся лошади стали отходить. Адильпай осторожно слѣдовалъ за ними.

Отгнавъ косякъ саянтъ на полтораста, Арджангъ вѣззался въ него. Нѣсколькихъ минутъ было достаточно закурочить тройку добрыхъ степниковъ. Остальные шарахнулись въ разсѣпаную, разсѣкая ночную тишину гуломъ копытъ и полова табуны.

Нѣсколько ударовъ нагаекъ. Всадники припали къ гривамъ скакуновъ и уже мчались въ сторону Иртыша.

Отъ табуновъ понеслось отпугивающее „уай!“ и вслѣдъ затѣмъ грозно-раздирающее воздухъ крики:

— Аттанг! уру, барымта! аттанг! урѣ, аттанг! Садись на коней! воры, грабежь! оконяйсь! бей, оконяйсь!

Воздухъ бичевали рѣзкіе крики и будили сонную степь. Разомъ выдѣлилось нѣсколько темныхъ фигуръ и помчалось въ погоню.

По Чару побѣжали огоньки и дикіе крики: аттанг!

Поднялась погоня. Дикіе выкрики, падала грозищими ударами по окрестности, выгнали все население изъ юртъ. Мужчины ловили лошадей. Повсюду замелькали бѣшено-несущіеся всадники. Степь ожгла и въ сумракѣ заговорила ропотомъ погоня.

Летить барымтачи быстрые вѣтра. На скаку засѣдлали новыхъ лошадей. Степь пошла въ низины Иртыша. Но близка погоня. Трое скачутъ близко впереди, остальные растянулись лентой позадъ.

Все ближе и ближе нажимаютъ погоньщики. Слышится тяжелое дыханіе скакуновъ.

Пахнуло сыростью и холодкомъ. Степь оборвалась крутымъ спускомъ на галку Иртыша и скрыла барымтачей у черныхъ волдъ рѣки.

Раздался плескъ воды и легкой стонъ.

*) Джовлукъ—головной уборъ, бѣлая матерія, наматанная на голову.
**) Кашкуи—небольшой вѣшокъ; „сирчикъ“—кусочекъ свиномасла и кусочекъ сыра, дорожная пища киргизъ.

*) Кирги и называютъ себя „казаки“ и другою именію своему народу не знаютъ, киргизами ихъ зовутъ только русскіе.

Арджанг, скакавший сади, подхватил копы, выпущенное твердой рукой передового батара*) и задрожавшее в плечу у Адильпая.

Кони поплыли по течению. Быстрый Иртыш скоро вынес их на противоположный берег.

Погоня остановилась, боясь засады и не надеясь на свои силы.

Проскакав луга и вынесясь на гору, барымтчи остановились. Арджанг сбросил накопачники, оседлал свихжих лошадей и зорко взглянул на поблбднвшаго, осунувшагося Адильпая.

— Гдѣ болитъ?

Адильпай указал на плечо. На рукавѣ бешмета чернѣла и дослилась кровь.

— Больно?

— Ой, Арджангъ.

— Подыми руку.

Адильпай тихо поднимает большую руку.

— Ничего, джигитъ, терпи! Бѣды не будетъ.

У Адильпая сверкнули глаза при словѣ джигитъ. Его призналъ джигитомъ опытный джигитъ, посвятить въ опасность.

— Перевяжи плечо.

Адильпай быстро распутываетъ лѣвой рукой «джилбыръ». Арджангъ помогаетъ ему обмотать руку ремнемъ. Юноша окивился.

— А гдѣ погоня?

— Мазаал (молодецъ)! Адильпай. Не бойся. Погоня позади, дождь впереди. Вдѣмъ.

Опять быстро застучали конскія копыта, оглашая сумрачную степь. И звуки, и всадники, со связкой лошадей на поводу, вскорѣ потонули во мракѣ ночи.

Стался легкій туманъ, предвѣстникъ утра, любовно окутывая потревоженную степь.

И степь снова заснула, не слыша вепленковъ Иртыша, угрюмо несшагося чернымъ чудищемъ въ крутыхъ, сумрачныхъ берегахъ.

Алеевъ.

Чарышъ близъ села Тюдралы.

Заштатный городъ Колывань.

Едва ли еще найдется въ Сибири такой городокъ, который бы прошелъ со времени своего основанія такія различныя этапы административнаго и экономическаго, — какъ Колывань. Будучи сенованъ въ ту эпоху движенія на Востоку, за Уралъ, пионеромъ русской народности и культуры, которому далъ толчекъ Ермакъ, — Колывань изъ простаго острожка, былъ даже въ которое время административнымъ центромъ тогдашней Сибирской губерніи; затѣмъ уфаднымъ, и въ болѣе позднее время переименованъ уже былъ въ заштатный, въ этомъ плачевномъ званіи находится и посейчасъ. Но если Колывань потерялъ всякое значеніе какъ административная единица, то выгодное его положеніе при большой судходной рѣкѣ, съ богатыми хлѣбородными участками земли въ ея верховьяхъ съ одной стороны, и на Большомъ Московскомъ трактѣ — недавней важнѣйшей артеріи торговаго объѣма Востока съ Западомъ съ другой, дѣлало его вѣстакъ значительнымъ въ Сибири торговымъ пунктомъ, съ ярмарками, обороты которыхъ простирались на сотни тысячъ рублей, теперь же отъ этихъ ярмарокъ осталось почти одно только названіе. Хирѣть Колывань началъ съ того времени, когда по соображеніямъ г.г. инженеровъ, строителей великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, его рѣшено было въ числѣ другихъ (и очень многихъ) городокъ далеко обойти магистралью; зато, такъ сказать на развалинахъ былой славы Колывани, вы-

Снѣжная гора въ истокѣ рѣки Куркуре.

ныхъ запросахъ горожанъ мы уже и не говоримъ: даже отъ ившисей общественной библиотекі не осталось теперь почти никакаго сада. Словомъ, для Колывани наступаетъ какой то матеріальный и умственный маразмъ. Общій видъ Колывани далеко не привлекательный: — улицы покрыты навозомъ, — за послѣднее время они специально даже, кажется, назначены для свалки этого продукта; ряды домовъ — самой ordinaria архитектуры, изъ которыхъ многіе стоятъ или съ заколоченными, или съ выбитыми окнами, такъ какъ брошены хозяевами; даже казенныя учрежденія какой то казарменнот, непривлекательной архитектуры. Такъ сказать гвоздемъ Колывани служатъ еще пока лечебница для леченія отъ бѣшенства по способу Пастера, открытая на частныя средства именно докторомъ Вендеромъ, единственная пока въ Сибири.

Сколько нибудь значительныхъ заводовъ или фабрикъ ни въ Колывани, ни около ея вѣтъ, а маленкіе болѣею частью такіе ликвидируютъ свои дѣла. Словомъ, желѣзная дорога иямѣндала Колывань до неузнаваемости.

Л.—ъ.

Къ рисункамъ.

Артиллерія на маньчжурской дорогѣ.

Въ нынѣшнихъ событіяхъ Дальняго Востока великій сибирскій путь играетъ громадную роль. Только благодаря ему оказалось возможнымъ быстро передвиуть къ театру военныхъ дѣйствій массу войскъ, провіанта, боевыхъ припасовъ. Передвиженіе тяжелыхъ пушекъ также не представляетъ трудности эти смертоносныя орудія нагружаются на платформы и быстро доставляются въ пункты ихъ назначенія. Нашъ рисунокъ представляетъ нѣсколько пушекъ, доставленныхъ къ мѣсту назначенія и уже выгруженныхъ.

Забайкальскіе казаки.

Въ современной войнѣ хотя конное войско не имѣетъ уже прежняго значенія, но тѣмъ не менѣе оно играетъ очень важную роль, неся развѣдочную службу, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется быстрота натиска при необходимости въ иныхъ случаяхъ и быстроты отступленія. Въ гористой мѣстности нынѣшняго японско-русскаго театра военныхъ дѣйствій конное войско необходимо и забайкальскіе казаки, привыкшіе ориентироваться въ горахъ, привыкшіе къ горнымъ переваламъ, тропинкамъ, горнымъ потокамъ, представляютъ наилучшій въ этихъ условіяхъ матеріалъ. Они сами лишены

набздки, которыхъ не страшатъ опасности и трудности пути, а ихъ небольшой лошади отличаетъ выносливость и привычка къ горнымъ тропинкамъ и обрывамъ.

Нашъ рисунокъ изображаетъ забайкальцевъ, отправляющихся на театръ военныхъ дѣйствій.

Чарышъ близъ села Тюдралы.

Чарышъ, полноводный притокъ Оби, захватываетъ своимъ теченіемъ огромный районъ западнаго Алтая, около 350-ти верстъ. Въ нижнемъ теченіи это степная, тихая и довольно мутная рѣка, въ среднемъ же и верхнемъ дѣлается настоящею горною, шумною и быстрой рѣкою, съ прекрасной чистой водою и протекаетъ мѣстами по очень красивой долинѣ. Нашъ рисунокъ изображаетъ Чарышъ въ среднемъ теченіи, близъ села Тюдралы, расположеннаго на его лѣвомъ берегу. Здѣсь долина Чарыша довольно широка; берега рѣки покрыты зарослями изъ смѣшаннаго лѣса; вдоль праваго берега высятся оригинальныя, острыя вслѣдствіе выветриванія, обнаженныя сопки.

О. Геблеръ.

Снѣжная гора въ истокѣ рѣки Куркуре.

Р. Куркуре, притокъ Кумира, беретъ начало въ Коргонокскихъ бѣлахъ. Она вытекаетъ изъ озера, которое находится у подножья сланцеваго утеса, обильно покрытаго снѣгомъ. На темномъ фонѣ этого утеса озеро кажется совершенно чернымъ, при чемъ значительная часть его поверхности покрыта лѣдной. Этого темнаго утеса и черное озеро, въ сочетаніи съ бѣлымъ цвѣтомъ снѣга и льда, представляютъ довольно ярчанный ландшафтъ.

О. Геблеръ.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Продолжается полугодовая подписка на „СИБИРСКУЮ ЖИЗНЬ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для иногороднихъ за 1/2 года 3 руб., помѣсячно 50 к., для городскихъ (съ доставкой на домъ отдѣльныхъ телеграфныхъ бюллетеней) помѣсячно 50 коп.—Въ газетѣ помѣщаются и будутъ помѣщаться иллюстраціи, относящіяся къ войнѣ съ Японіей: портреты, виды, планы, карты и т. п.

Городскимъ подписчикамъ ежедневно будутъ доставляться телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства».

Адресъ для иногороднихъ: Томскъ, Редакціи «Сибирской Жизни».

Издатель-Редакторъ П. Макушинъ.